

Германский офицерский корпус и солдатские советы: борьба за политическое выживание в период революции 1918–1919 гг.

Аннотация. Революционные события в Германии 1918–1919 гг. представляли собой значительную угрозу для офицерского корпуса кайзеровской армии. Образовавшаяся в ходе революции система солдатских советов претендовала на то, чтобы стать основой новых вооруженных сил с выборным командованием и устранить офицеров из военной иерархии. В данной статье рассматривается вопрос отношения германского офицерского корпуса к деятельности солдатских советов в воинских частях, его оценка претендовавших на командные полномочия коллективных органов власти. Анализируются принципы взаимодействия солдатских советов и офицеров в дни германской революции. В исследовании используются документы деятельности солдатских советов, приказы Верховного командования, стенограммы Всегерманских съездов советов, воспоминания и переписка представителей офицерского корпуса и гражданских властей. Автор приходит к выводу, что солдатские советы рассматривались офицерским корпусом как потенциальный канал углубления революции, источник нарушения дисциплины в войсках. Данная оценка солдатских советов офицерами, основанная в большей степени на гипотетических опасениях, чем на реальном опыте, предопределила выработку военным руководством совместной стратегии с гражданскими властями, направленной на скорейшую ликвидацию системы советов в армии.

Ключевые слова: германский офицерский корпус, солдатские советы, германская революция, советы доверенных, Вильгельм Грёнер, Фридрих Эберт, Пауль фон Гинденбург, пакт Эберта–Грёнера, Всегерманский съезд советов, Гамбургские пункты.

Review. The revolutionary events in Germany during 1918–1919 posed a serious threat to the officer corps of the Kaiser army. The system of soldiers' councils that developed during the unfolding of the revolution strove to become the foundation for the new armed forces, electing commanders and removing the established officers in the military hierarchy. This article examines the question of the relationship of the German officer corps towards the activity of the soldiers' councils in military units and its attitude towards those seeking commanding authority among the collective government bodies. The article also analyses the relationship principles between the soldiers' councils and the officers during the German revolution. This research is based on documents pertaining to the activity of the soldiers' councils, the orders of the Supreme command, transcripts from Pan-German council congresses, memoirs and correspondence of members of the officer corps and civil authorities. The author comes to the conclusion that the soldiers' councils were seen by the officer corps as a potential channel for the spread of the revolution, a source for inciting breach of discipline among the troops. This appraisal of the soldiers' councils by the officers, based largely on hypothetical apprehension rather than on actual experience, determined the elaboration by the military commanders of a common strategy, jointly with the civil authorities, directed at the dissolution of the council system within the army.

Key words: Ebert-Groener pact, Paul von Hindenburg, Friedrich Ebert, Wilhelm Groener, council of representatives, German revolution, soldiers' councils, German officer corps, Pan-German congress of deputies, Hamburg articles.

Окончание Первой мировой войны ознаменовало значительные перемены в обществе и государстве Германской империи. Несмотря на то что характерной чертой революционных событий в Германии 1918–1919 гг. признается сохранение старого, доставшегося в наследство от кайзе-

ровских времен государственного аппарата [20, 367; 6, 48], в ходе Германской революции удалось сформировать сеть рабочих и солдатских советов по образцу Советской России, которые являлись вызовом традиционным властным институтам кайзеровской Германии. Первый из них был образован в Киле 4 ноября 1918 г., од-

новременно с восстанием матросов, послужившим спусковым механизмом для волнений по всей стране [35, 12]. Рассуждая об их значении в сложившейся политической ситуации в Германии, председатель Исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов Берлина Рихард Мюллер в своем выступлении на I Всегерманском съезде советов заявлял, что «с несомненностью твердо установлено: рабочие и солдатские советы представляют собой в настоящее время единственное достижение революции» [1, 42].

Соглашаясь с тем, что возникновение системы советов проходило в рамках общей логики революционного процесса в Германии, стоит отметить особую специфику солдатских советов как стихийно возникших органов командной власти в вооруженных силах.

Во-первых, возникновение советов в армии отличалось динамичностью и организованностью. За короткий срок с момента образования первого солдатского совета в Киле внутри вооруженных сил было создано более 10 тысяч солдатских советов [8, 202]. В большинстве случаев их возникновение опережало, а зачастую и инициировало формирование рабочих советов. Не обремененные привязанностью к производству и родному дому революционные солдаты и матросы за счет своей высокой мобильности выступали в качестве основных проводников революционных настроений, свободно перемещаясь от одного города к другому, выполняя агитаторскую и организационную работу [32, 46–52]. Высокий темп распространения советов по немецким городам в первые после Кильского мятежа дни – полностью их заслуга [32, 72].

Во-вторых, возникновение и существование солдатских советов в армии одновременно затрагивало две фундаментальные проблемы революции: вопрос о власти и ее вооруженной защите. Заключенный 10 ноября 1918 г. между председателем СНУ и Верховным командованием «пакт Эберта–Грёнера» оформил основы сотрудничества между новой гражданской властью и армией, обезопасив обоих участников договора от опасного одиночества перед лицом революционных сил [29, 467]. Солдатские советы подрывали этот баланс, с одной стороны, являясь частью общей системы советов, потенциально готовой прийти на смену традиционным органам власти, а с другой – нарушая командные цепочки в вооруженных силах, ставя под сомнение способность военного руководства служить

новой власти надежным «мечом», что гарантировал Вильгельм Грёнер.

Своим появлением солдатские советы бросали вызов наиболее влиятельной и в то же время наиболее уязвимой части «старого мира» – кайзеровскому офицерскому корпусу. За четыре военных года офицеры, в первую очередь, конечно, генералитет, сумели сконцентрировать в своих руках значительный объем власти и авторитета, оставив в тени все гражданские институты империи. Но поражение в войне и отречение Вильгельма II означало для них подлинное уничтожение основ всей жизни [29, 467; 16, 22–23] и ставило их под удар революционных перемен самым драматичным образом. Фактически заменив к концу войны кайзера «тихой диктатурой» Гинденбурга–Людендорфа, офицерский корпус тем не менее с его уходом оказался и без высокого покровителя, облик которого имел почти сакральные черты, и без фундамента широкой общественной поддержки. Даже несмотря на запущенную генералитетом легенду о национальном предательстве, «об ударе кинжалом в спину», призванную снять с военных ответственность за военное поражение и сопутствующие ему беды, авторитет офицеров серьезно пошатнулся. Для значительного числа простых немцев, вынужденных надеть военную форму, все пороки старой власти, ее несостоятельность оказались сконцентрированы в образе офицеров, с которыми они контактировали чаще всего и которые далеко не всегда могли гордиться репутацией мудрых «отцов-командиров». Отсутствие широкой поддержки в обществе ставило офицерский корпус под удар и умеренных, и радикальных сил революции [31, 150]. В отличие от гражданских чиновников, представителей государственной бюрократии, они не могли рассчитывать на то, чтобы тихо пересидеть спокойное время на своих местах. Им предстояло защищать себя и свое положение в зарождающейся германской республике в политической, а подчас и вооруженной борьбе.

Противостояние солдатских советов и офицерского корпуса представляет собой важнейший сюжет германской революции. Решался вопрос: смогут ли представители старых элит предотвратить трансформацию армии в инструмент дальнейшего углубления революции и сохранит ли офицерский корпус свое положение в немецком обществе. Если радикализм рабочих советов по большей части удавалось погасить, то борьба с солдатскими советами требовала

слаженного взаимодействия Верховного командования, офицеров на местах и гражданских властей, иначе говоря – всех участников «пакта Эберта–Грёнера». Решение главного вопроса германской революции – «Советы или Учредительное собрание?» – было тесно увязано с проблемой «Советы или офицерский корпус?»

Первая реакция военного руководства на появление солдатских советов была закономерно негативной. В худшем случае они рассматривались как «результат многолетней подпольной работы» [15, 789] врагов Германии, в лучшем – вынужденной уступкой новому правительству со стороны Верховного командования [34, 21–22]. Столкнувшись с солдатскими советами пришлось офицерам всех званий и должностей, в т. ч. и кумиру немцев – фельдмаршалу Паулю фон Гинденбургу, который лаконично охарактеризовал свой опыт взаимодействия с ними как «неблагоприятный» [10, 28–29]. Генерал Эрих Людендорф отзывался о членах солдатских советов как о «дезертирах» и уклонистах от фронта [15, 789].

Немецкие офицеры были склонны усматривать параллели между революционными событиями в своей стране и недавними революциями в России в 1917 г., что априори демонизировало солдатские советы и ставило их в один ряд со всеми неприглядными картинами революционного террора в том виде, в каком он был известен в Германии. В дневниковых записях капитана Густава Бёма возникновение солдатских советов рассматривается как следствие распространяющейся по Европе большевистской угрозы, а города, в которых войска перешли на сторону революции, признаются как находящиеся «под контролем большевиков» [26, 54]. В этом смысле по своей апокалиптической тональности записи Бёма, датированные началом ноября, напоминают дневники Иозефа Геббельса весны 1945 г., описывающие продвижение советских войск по территории Германии. В то же время очевидцы революционных событий в России, наоборот, отмечали умеренность немецкого «революционного хаоса». Так, заставший германскую революцию в Берлине казачий офицер К. Г. Серезников хотя и отмечал в атмосфере немецкой столицы «известное возбуждение», но тут же признавал, «как мало все это было похоже на такие же дни в России» [23, 226]. Он вспоминал: «Немцы и в эти дни не теряли спокойствия и самообладания <...> Даже солдаты с красными флагами кричали и приветствовали

толпы прохожих как будто нехотя, как будто исполняя обязанность, смысл которой неясен или цель сомнительна. Не было ничего “разухабистого”, дошедшего “до точки” в уличных сценах. Все происходило как будто с оговоркой о “приличии” и “чувстве меры”» [23, 226–227]. И хотя, по мнению историков и современников, т. н. большевистская угроза была, скорее, «пугалом», а не реальностью [24, 122], она оказывала значительное влияние на восприятие офицерским корпусом революционных событий в Германии, и в частности на движение советов.

Опасения военного руководства были связаны и с падением дисциплины в войсках – даже не устраняя офицеров напрямую, солдатские советы подрывали их авторитет, ставя под угрозу принцип единоначалия. Особенно страдали младшие офицеры – именно им приходилось по долгу службы чаще всего взаимодействовать с солдатскими советами и терпеть известные унижения. Молодой генштабист Вильгельм Кейтель писал своему тестю в декабре 1918 г.: «Какие условия сложились у нас, тебе станет понятно, если я скажу, что для исполнения мною служебных обязанностей мне потребовалось охранное удостоверение, выданное советом солдатских депутатов! Иначе меня бы расстреляли. Не прикрепив красный флаг к своей машине, я оказался бы разоруженным, без кокарды, с сорванными погонами, и меня просто-напросто вышвырнули бы из машины» [14, 39]. И хотя конфликтов революционеров с офицерами, заканчивающихся смертельным исходом для последних, не отмечалось [25, 74], одно только показательное срывание погон и наград воспринималось ими чрезвычайно болезненно. Практически всю первую половину ноября 1918 г. офицеры, опасаясь издевательств над мундиром, были вынуждены добираться до мест службы в гражданской одежде, переодеваясь в форму лишь за дверями служебных кабинетов [26, 65].

Не испытывал восторга от солдатских советов и председатель Совета народных уполномоченных Фридрих Эберт, представлявший высшую гражданскую власть. Для него советы были инструментом дальнейшего углубления революции в угоду леворадикальным политическим силам [17, 31]. Как уже было отмечено выше, самим фактом своего существования они ставили под угрозу хрупкую основу стабильности новой Германии – соглашение о сотрудничестве между СНУ и Верховным командованием. После первых проявлений недовольства деятельностью

советов со стороны военных Эберт поспешил направить в войска телеграмму, в которых подтверждал командные полномочия офицеров, неизменность воинской дисциплины и субординации, отводя солдатским советам функции совещательного органа в вопросах снабжения, оформления отпусков, наложения дисциплинарных взысканий [37, 20]. Инициатива СНУ была встречена генералитетом с одобрением [37, 35], однако отсутствие прямого влияния Эберта на солдатские советы указывало на явную недостаточность таких мер.

В свою очередь, Верховное командование, осознав невозможность законодательно запретить солдатские советы повсеместно, решило возглавить процесс их возникновения. 10 ноября 1918 г. вышло распоряжение Грёнера, подписанное Гинденбургом, в соответствии с которым в войсках создавались советы доверенных (Vertrauensräte) – совещательные органы при командовании частей, избираемые из числа офицеров и рядовых [37, 92]. В их компетенцию входила помощь офицерам в социальных и экономических вопросах, в сохранении порядка и дисциплины. В своей деятельности они полностью подчинялись командованию части и не имели полномочий на самостоятельное принятие решений. Состав советов доверенных избирался из солдат и офицеров всеобщим тайным голосованием всех военнослужащих части.

Создание советов доверенных не означало роспуска уже возникших солдатских советов или запрет на появление новых – они могли существовать в частях параллельно с уже сформированными солдатскими советами. Инициатива Верховного командования возвращала стремление солдат к административно-управленческому участию в легальное аполитичное поле. Тем самым радикальные элементы ограничивались в своей опоре на солдатские массы, остававшиеся под контролем офицеров [29, 469]. Впрочем, многие консервативные генералы не сразу поняли разницу между солдатскими советами и советами доверенных, рассматривая возникновение даже карманных совещательных органов в войсках как опасную уступку революции и прямую угрозу принципу единоначалия. Так, для генерала Рюдигера фон дер Гольца советы доверенных «отличались от солдатских фактически только названием», и он подчинился приказу Грёнера с явной неохотой [9, 120].

Несмотря на все опасения Верховного командования относительно сохранения целост-

ности вооруженных сил, офицеры вскоре с удовлетворением убедились, что движение солдатских советов не столь угрожающе, как это представлялось в первые дни революции. Прежде всего солдатские советы так и не сформировали единого центра, который мог выражать их общую волю. Соответственно каждый солдатский совет действовал автономно, в лучшем случае – ориентируясь на соседние воинские части. Радикальность требований того или иного солдатского совета зависела от конкретных условий на местах – авторитета командира, взаимоотношений солдат и офицеров, наличия лидеров среди рядового и унтер-офицерского состава. Историк Ульрих Клюге выделял три группы солдатских советов в зависимости от сложившейся комбинации условий их возникновения, главным из которых было наличие в них офицеров: претендующие на всю полноту политической власти, оспаривающие командную власть офицеров в воинских частях и ограничивающиеся бюрократическо-контрольными функциями [33, 112]. Исходя из приводимой им же таблицы по составу солдатских советов в гарнизонах ряда немецких городов значительное их число включало в себя офицеров, что, естественно, ограничивало их радикализм [33, 109–110]. Авторитетом у солдат пользовались, скорее, не политические ораторы – романтики революции, – а надежные боевые товарищи, проявившие себя на полях сражений. Среди таковых нередко находились и офицеры, что делало их присутствие в составе делегаций солдатских советов логичным и оправданным, хотя отдельные революционные деятели считали это показателем того, «как глубоко въелся милитаризм в психологию нижних чинов» [18, 51].

Одновременно в воинских частях германской армии существовали декоративные, аморфные даже в совещательных полномочиях солдатские советы, большинство в которых составляли офицеры, и советы, выступавшие с радикальными политическими требованиями [12, 117]. Впрочем, основная часть солдатских советов была равноудалена от этих крайностей и хотела решить насущные проблемы – сместить с должности ненавистного командира [1, 113], оспорить дисциплинарное взыскание, свести личные счеты и, главное, как можно скорее провести демобилизацию [8, 203]. Они декларировали свою лояльность СНУ и выступали за скорейший созыв Национального собрания [38, 13]. В отдельных случаях отмечались едва ли не

проявления консервативных симпатий: так, солдатский совет Касселя организовал почетную встречу фельдмаршалу Гинденбургу, заменив по торжественному поводу красные нарукавные повязки на черно-бело-красный триколор [22, 183]. Определенно делегаты солдатских советов не были «пролетариями в военной форме» [31, 140], и радикальная революционная агитация явно проигрывала призывам покончить с войной и сохранить порядок в стране.

Серьезных проблем с солдатскими советами в частях, находящихся на Западном фронте, не было. Они выполняли посреднические функции между офицерами и рядовыми, помогали обеспечивать порядок при возвращении на родину в Германию. Не склонный к симпатиям к солдатским советам генерал Меркер все же отмечал их определенную заслугу в противодействии проявлениям «откровенного произвола» в войсках [34, 24]. Единственный негативный эпизод, связанный с солдатскими советами, по воспоминаниям генерала, связан с матросом – членом совета, направившим по незнанию проходившую через город походную военную колонну в неправильном направлении [34, 24].

Солдатские советы частей бывшего Восточного фронта также вели себя довольно сдержанно, даже в условиях непосредственного соприкосновения с государством – эпицентром «мировой революции». Безусловно, они чувствовали себя гораздо свободнее, чем на Западном фронте, и могли позволить себе вступить в открытый контакт с только что образованными советами некогда оккупированных городов, из которых германская армия спешно уходила [13, 141]. Однако ситуация не развивалась дальше формальных обоюдных приветствий и кратковременных актов братания. Как и на других фронтах, главным стремлением личного состава было поскорее оказаться на родине и сменить униформу на гражданскую одежду, а не повернуть штыки против «угнетателей рабочего класса». Офицерам, по большей части занятым эвакуационными вопросами, как минимум не мешали [1, 114]. Тезис советской историографии об особой специфике солдатских советов Восточного фронта был, скорее, стремлением выдать желаемое за действительное, чем отражением реального положения вещей [11, 161].

На отдаленных театрах военных действий формирование солдатских советов зачастую предотвращалось командирами воинских частей. Так, командующий экспедиционным кор-

пусом в Финляндии граф Рюдигер фон дер Гольц ограничился словесной перепалкой с явившимися к нему делегатами от едва образованных солдатских советов и просто прогнал их из своего кабинета [9, 118]. Впрочем, позже ему все же пришлось ввести у себя в войсках советы доверенных по приказу Грёнера.

Эфемерными были опасения форсированного создания Красной гвардии, в котором деятельное участие теоретически могли принять солдатские советы. Несмотря на то что сама идея была требовательно озвучена леворадикальными политическими силами [28, 90], к ее реализации отнеслись скептически. Эберт заявил, что не видит необходимости в новых вооруженных формированиях, когда армия полностью поддерживает революцию. Хотя, по мнению ряда историков, создание полноценной собственной армии позволило бы председателю СНУ не идти в фарватере требований Верховного командования [19, 100], Эберт был склонен рассматривать «пакт» с Грёнером в качестве более надежной вооруженной защиты правительства. Многие простые солдаты с обидой усматривали в предложении создать Красную гвардию недоверие к себе – фактическим творцам ноябрьских событий [3, 40]. Вновь сложилась характерная для всего хода Германской революции ситуация – радикальные решения имели критически мало сторонников.

«Беззубость» солдатских советов, тем не менее, никак не влияла на стремление офицеров их ликвидировать. Ситуация могла измениться в любой момент. Изначально лояльные офицерам советы боевых частей Западного фронта после возвращения в Германию и контактов с рабочими советами и солдатскими советами тыловых и гарнизонных частей значительно радикализировались и политизировались [29, 472]. Солдатские советы в гарнизонах, расположенных возле крупных населенных пунктов, были более подвержены революционной агитации, чем их товарищи-фронтовики, а скука и однообразность гарнизонной службы толкали военнослужащих на активные действия. Толпы людей в полевой униформе заполняли улицы немецких городов, стремительно погружаясь в специфическую атмосферу революционных перемен [5, 25].

По мере демобилизации, а в большей степени – самодемобилизации, – внутри личного состава частей и подразделений происходил своеобразный «отрицательный отбор», значительно трансформирующий состав и мотивацию солдатских советов. В целом аполитичные

солдаты, чьим желанием было лишь поскорее оказаться дома, массово покидали места несения службы, зачастую не дожидаясь приказов командования или – тем более – распоряжения солдатских советов. В советах оставались лишь политизированные элементы, связанные или только вступающие в контакт с радикальными революционными силами на «гражданке» [38, 30]. Они были готовы продолжать революцию, и первой их целью закономерно становились все еще находящиеся на службе офицеры. Сложившуюся ситуацию исчерпывающе описал Филипп Шейдеман: «Здоровые элементы, возвращавшиеся домой из армии, находили себе, понятно, дело поумнее игры в солдатского депутата и грызни на собраниях. Таким образом происходил самый нежелательный отбор. Хорошие уходили, дурные оставались» [25, 283]. Существовала реальная угроза использования системы солдатских советов радикальными политическими силами в интересах углубления революции.

Уже в начале декабря съезд солдатских советов в Бад-Эмсе озвучил требование предоставить советам больше полномочий. Предлагалось отменить обязательное воинское приветствие офицерам, закрыть офицерские казино, установить одинаковые для офицеров и рядовых нормы питания, обеспечить реальное участие солдатских советов в жизни воинских частей [6, 51]. Грёнер и Гинденбург поспешили выступить с решительным протестом против усиления советов, и Эберту не оставалось ничего иного, кроме как спешно согласиться с генералитетом, оставив требования конгресса без поддержки. Однако сам эпизод продемонстрировал готовность солдатских советов укреплять свое положение в армии.

Верховное командование также усилило давление на солдатские советы. В первую очередь его действия были направлены на армии, возвращающиеся с Западного фронта. Это были наиболее опытные и боеспособные соединения германских вооруженных сил, где радикализация до сих пор лояльному командованию солдатских советов могла привести к серьезным последствиям. Добровольческие отряды фрайкора только начинали формироваться, и правительство с генералитетом рассматривали именно дивизии Западного фронта как инструмент наведения порядка в стране. Требовалось минимизировать последствия столкновения фронтовиков с проявлениями революции на родине. При вступлении войск на территорию Германии специ-

альными командами с улиц городов снимались вывешенные для приветствия солдат красные флаги, а местные советы принудительно и по возможности без лишнего шума распускались. Широкою известность получил приказ частям 234-й пехотной дивизии о роспуске солдатских советов, который был обнародован на I Всегерманском съезде советов [1, 78]. Подписанный лейтенантом запаса Ромом приказ предусматривал их разгон в т. ч. и с помощью оружия, для чего ликвидационным командам предписывалось выдать по 25 патронов [37, 40]. Отмечалось множество случаев, когда офицеры отдавали приказы о роспуске советов под вымышленными фамилиями [1, 73]. Недовольные произволом офицеров члены солдатских советов подавали жалобы в Центральный солдатский совет и Исполнительный комитет в Берлине, откуда они перенаправлялись в СНУ и лично Эберту, само собой, оставаясь без вразумительного ответа, а тем более конкретной реакции.

Последней реальной возможностью для апологетов глубокой военной реформы решить проблему старого офицерского корпуса был I Всегерманский съезд советов 16–20 декабря 1918 г. К неприятному удивлению Верховного командования и Эберта, делегаты съезда, в целом настроенные на проведение умеренной политической линии, направили весь свой «революционный» импульс в сторону офицерского корпуса и генералитета. Изначально армейская проблематика вообще не предполагала подробного обсуждения на съезде, однако делегация от 17 расквартированных в Берлине полков в агрессивной форме потребовала включить в повестку дня вопрос о положении вооруженных сил [30, 107]. Большой энтузиазм участников съезда вызвало выступление делегата Виктора Лампа во время утреннего заседания 18 декабря, в котором он озвучил т. н. Гамбургские пункты и предложил взять их за основу военной реформы [1, 112–113]. «Гамбургские пункты» подразумевали упразднение воинских знаков отличия, отменяли ношение оружия во внеслужебное время, орденов, упраздняли воинское приветствие старшим по званию. Порядок ношения погон, галунов, аксельбантов должен был определяться солдатскими советами на местах. Они же признавались ответственными за сохранение порядка и дисциплины в войсках. Командиры назначались на выборной основе. Свои должности сохраняли ответственные за демобилизацию офицеры при условии гарантий поддержки ре-

волюции с их стороны. Обозначалась необходимость формирования новой армии – фольксвера (Volkswehr) на добровольных началах с выборным командованием. Все вышеперечисленные положения признавались лишь предварительными и нуждающимися в обсуждении и окончательном одобрении со стороны СНУ, Исполнительного совета и солдатских советов на местах.

«Гамбургские пункты» были одобрены и приняты съездом. Однако триумфа в борьбе с кайзеровским офицерским корпусом не удалось. Наряду с поддержкой многих делегатов были заметны и критические высказывания в адрес как советской системы в целом, так и солдатских советов как альтернативы командной власти офицеров. Делегаты отмечали, что выборность офицеров приведет на руководящие места некомпетентных людей, что, в частности, серьезно затруднит перевод войск с востока [1, 114]. Высказывалась точка зрения, что роспуск Верховного командования сделает невозможными мирные переговоры с Антантой [1, 119]. Наконец, и это главное, в ходе самого съезда система советов как перспективная модель власти была отклонена в пользу созыва Национального собрания [1, 165]. Солдатские советы если и получали шанс на дальнейшее существование, то оставались сугубо внутриармейской спецификой, при этом абсолютно нехарактерной для многовековой традиции прусско-германских вооруженных сил.

Таким образом, положение солдатских советов в армии оказывалось эфемерным. «Гамбургские пункты», хотя и предполагали радикальные изменения в армии, не вводились сразу же в войсках, а требовали дальнейшего одобрения и согласования со всеми властными органами государства. Верховное командование получило достаточно времени для того, чтобы обратиться с силами в борьбе за сохранение старого офицерского корпуса [38, 32].

Ответная реакция генералитета последовала незамедлительно и представляла собой фактически ультиматум действующему правительству. Гинденбург направил телеграмму всем армейским частям, в которой однозначно дал понять, что не признает «Гамбургские пункты» [37, 38–39]. По его мнению, столь масштабные реформы должны быть одобрены всем немецким обществом, волю которого фельдмаршал был готов видеть лишь в Национальном собрании, но никак не в Съезде советов. До созыва собрания ситуация с командованием в войсках должна

была остаться неизменной. Многие офицеры, в свою очередь, выступили с заявлениями, что отказываются брать на себя ответственность за сохранение целостности и боеспособности вверенных им частей и подразделений при реализации положений «Гамбургских пунктов» [38, 28–30]. Эстафета военной реформы передавалась гражданским властям.

Эберт предпочел, не делая никаких публичных заявлений, просто положить проект военной реформы «под сукно». Будущее армии предстояло решить Национальному собранию, что полностью устраивало генералитет, призывавший СНУ не задерживаться с его созывом [27, 353]. В личном письме от 27 января 1919 г. Грёнер дал понять Эберту, что первоочередной задачей здесь будет определение окончательного положения офицеров, недвусмысленно указав, что сохранение солдатских советов будет означать разрушение государства и его власти, в то время как оно так нуждается в надежном инструменте защиты: «Я надеюсь, что един с Вами после событий последних недель во мнении, что государственная власть и защита границ может быть обеспечена только надежными войсками, спаянными дисциплиной и властью командующего. Солдатские советы – это смерть всякого авторитета и, вместе с тем, смерть государственной власти как таковой» [38, 52].

К концу декабря 1918 г. солдатские советы фактически теряют влияние. Поражение «спартаковцев» в боях за Берлин в январе 1919 г. означало окончательную утрату солдатскими советами даже гипотетических перспектив на сохранение остатков своего влияния в армии и тем более в немецком обществе. II Всегерманский съезд советов, проходивший с 8 по 14 апреля 1919 г., в своих решениях по армии обращал больше внимания на борьбу с внешними атрибутами офицерской власти (хотя теперь было решено оставить офицерам отличительные знаки за ранения), чем на командную власть офицерского корпуса как таковую [2, 307]. В любом случае никаких реальных инструментов для реализации принятых постановлений он уже не имел. Собравшееся в феврале 1919 г. Национальное собрание «Гамбургские пункты» полностью проигнорировало. Закон о временном рейхсвере от 6 марта 1919 г. не предусматривал никаких ограничений полномочий офицерского корпуса [36, 295–298]. Официально солдатские советы прекратили свою деятельность вместе с демобилизованной армией в июне 1919 г. [4, 268].

Впрочем, в отличие от солдатских советов введенным Грёнером советам доверенных удалось пережить месяцы революционного хаоса и остаться в новом республиканском рейхсвере. Однако они находились под полным контролем офицеров и выполняли лишь вспомогательные хозяйственные функции. В советской аналитике начала 1920-х гг. советы доверенных германской армии сравнивали с ячейками содействия РККИ (рабоче-крестьянской инспекции). Считалось, что они находятся «под исключительным влиянием офицерства» и обладают лишь совещательным голосом по ограниченному кругу вопросов. [21, 10]. Служившие в рейхсвере солдаты описывали их работу с изрядной долей иронии. Так, военнослужащий Бруно Винцер, на тот момент будучи в солдатском звании, характеризовал деятельность совета доверенных следующим образом: «Они собирались раз в месяц, выпивали много пива и снова расходились. Никакой роли они не играли. В лучшем случае они могли предложить купить шахматы или картину, либо устроить выпивку за счет ротной кассы» [7, 73]. Впрочем, даже в таком виде Винцер рассматривал советы доверенных как чуждые прусскому военному духу инородные элементы.

Таким образом, офицерский корпус кайзеровской армии с первых дней германской революции небезосновательно оценивал формирующуюся систему солдатских советов как непосредственную угрозу сохранению собственного положения в вооруженных силах и их целостности. Несмотря на то что большая часть солдатских советов выдвигала умеренные требования о скорейшей демобилизации, они представляли собой структуры, потенциально готовые стать проводником радикальных революционных устремлений. Германские офицеры, перед глазами которых был крах российской армии после ее «демократизации» весной 1917 г., закономерно не желали деформации принципа дисциплины и субординации – основы вооруженных сил. Они были готовы мириться с солдатскими советами как с временным явлением, подчас даже приносящим пользу. Но как только их делегаты выступали с предложениями расширить полномочия советов, следовал решительный отказ – как со стороны офицеров, так и со стороны гражданских властей. Когда вопрос о власти был окончательно решен в пользу созыва Учредительного собрания, офицерский корпус совместно с гражданскими властями незамедлительно устранил последние элементы солдатской демократии вместе со всей системой советов.

Библиография:

1. I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ: Советское законодательство, 1934. 312 с.
2. II Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ: Советское законодательство, 1935. 352 с.
3. Аленин Ф. Г. Советы в Германской революции. М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1934. 182 с.
4. Биллик В. И. Демобилизация армии и офицерские союзы в Германии в период революции 1918–1919 гг. // Германский империализм и милитаризм. М.: Наука, 1965. С. 257–277.
5. Ватлин А. Ю. Советское эхо в Баварии: историческая драма 1919 года в шести главах, пяти картинах и двадцати документах. М.: Новый хронограф, 2014. 464 с.
6. Винклер Г.-А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
7. Винцер Б. Солдат трех армий. М.: Прогресс, 1971. 463 с.
8. Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб: история и структура. 1657–1945. М.: Центрполиграф, 2005. 478 с.
9. Гольц Р, фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 318 с.
10. Дорпален А. Германия на заре фашизма. М.: Центрполиграф, 2008. 479 с.
11. Драбкин Я. С. Проблемы и легенды в историографии Германской революции 1918–1919 гг. М.: Наука, 1990. 278 с.
12. Драбкин Я. С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. Краткий очерк. М.: Соцэкгиз, 1958. 443 с.
13. Игнатенко И. М., Ломако И. П. Иностранная военная интервенция в Белоруссии 1917–1920. Мн.: Наука и техника, 1990. 342 с.
14. Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2003. 603 с.
15. Лудендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.–Мн.: АСТ-Харвест, 2005. 800 с.
16. Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 320 с.
17. Мёллер Х. Веймарская республика: опыт одной незавершенной демократии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
18. Мюллер Р. Мировая война и Германская революция. Т. 2. М.: Издательство «Недра», 1925. 420 с.
19. Орлова М. И. Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М.: Издательство Московского университета, 1986. 269 с.
20. Патрушев А. И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом международного университета в Москве, 2007. 704 с.

21. Пиль Р. Вооруженные силы Германии. Харьков: Издание военно-редакционного совета Украины и Крыма, 1922. 24 с.
22. Раушер В. Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент. М.: Ладомир, 2003. 338 с.
23. Сержников К. Г. Воспоминания донского офицера о служебной поездке в Германию осенью 1918 г. // Архив русской революции. Т. 18. М.: Terra. 1993.
24. Хаффнер С. Революция в Германии 1918/1919. Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983. 224 с.
25. Шейдеман Ф. Крушение Германской империи. М.-Пг.: ГИЗ, 1923. 324 с.
26. Böhm G. Adjutant im preußischen Kriegsministerium Juni 1918 bis Oktober 1919. Aufzeichnungen des Hauptmanns Gustav Böhm / Hrsg. und bearb. von H. Hürten und G. Meyer. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1977.
27. Craig G. The politics of Prussian army. 1640–1945. Oxford: At the Clarendon Press, 1955. 538 p.
28. Die deutsche Revolution 1918–1919 – Dokumente. Hrsg. von Ritter G., Miller S. Frankfurt a/M: Fischer Bücherei GmbH, 1968. 502 S.
29. Gröner W. Lebenserinnerungen. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1972. 584 S.
30. Herwig H. The First German Congress of Workers' and Soldiers' Councils and the Problem of Military Reforms // Central European History. 1968. Vol. 1. № 2. P. 150–165.
31. Kluge U. Die deutsche Revolution 1918/1919. Staat, Politik und Gesellschaft zwischen Weltkrieg und Kapp-Putsch. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1985. 247 S.
32. Kluge U. Militärrevolte und Staatsumsturz. Ausbreitung und Konsolidierung der Räteorganisationen im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. // Arbeiter- und Soldatenräte im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. Studien zur Geschichte der Revolution 1918/1919. Hrsg. Von Rürup R. Wuppertal: Peter Hammer Verlag, 1975. S. 39–82.
33. Kluge U. Soldatenräte und Revolution. Studien zur Militärpolitik in Deutschland 1918/1919. Göttingen, 1975. 520 S.
34. Maercker G. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig: Verlag von K.F. Koehler, 1921. 382 S.
35. Noske G. Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1920.
36. Reichsgesetzblatt. 1919. № 57.
37. Schüddekopf O. E. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hannover – Frankfurt a/M: Norddeutsche Verlagsanstalt, 1955. 399 S.
38. Zwischen Revolution und Kapp-Putsch. Militär und Innenpolitik. 1918–1920. Düsseldorf: Droste Verlag, 1977. 378 S.

References (transliterated):

1. I Vsegermanskii s'ezd rabochikh i soldatskikh sovetov. Stenograficheskie otchet. M.: OGIZ: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1934. 312 s.
2. II Vsegermanskii s'ezd rabochikh i soldatskikh sovetov. Stenograficheskie otchet. M.: OGIZ: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1935. 352 s.
3. Alenin F. G. Sovety v Germanskoi revolyutsii. M.: OGIZ-SOTsEKGIZ, 1934. 182 s.
4. Billik V. I. Demobilizatsiya armii i ofiterskie soyuzy v Germanii v period revolyutsii 1918–1919 gg. // Germanskii imperializm i militarizm. M.: Nauka, 1965. S. 257–277.
5. Vatlin A. Yu. Sovetskoe ekho v Bavarii: istoricheskaya drama 1919 goda v shesti glavakh, pyati kartinakh i dvadtsati dokumentakh. M.: Novyi khronograf. 2014. 464 s.
6. Vinkler G.-A. Veimar 1918–1933: istoriya pervoi nemetskoj demokratii. M.: ROSSPEN, 2013. 878 s.
7. Vintser B. Soldat trekh armii. M.: Progress, 1971. 463 s.
8. Gerlits V. Germanskii General'nyi shtab: istoriya i struktura. 1657–1945. M.: Tsentrpoligraf, 2005. 478 s.
9. Gol'ts R., fon der. Moya missiya v Finlyandii i Pribaltike. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 318 s.
10. Dorpalen A. Germaniya na zare fashizma. M.: Tsentrpoligraf, 2008. 479 s.
11. Drabkin Ya. S. Problemy i legendy v istoriografii Germanskoi revolyutsii 1918–1919 gg. M.: Nauka, 1990. 278 s.
12. Drabkin Ya. S. Revolyutsiya 1918–1919 gg. v Germanii. Kratkii ocherk. M.: Sotsekgiz. 1958. 443 s.
13. Ignatenko I. M., Lomako I. P. Inostrannaya voennaya interventsia v Belorussii 1917–1920. Mn.: Nauka i tekhnika, 1990. 342 s.
14. Keitel' V. Razmyshleniya pered kazn'yu. Smolensk: Rusich, 2003. 603 s.
15. Lyudendorf E. Moi vospominaniya o voine 1914–1918 gg. M.–Mn.: AST-Kharvest, 2005. 800 s.
16. Manshtein E. fon. Iz zhizni soldata. Rostov n/D.: Feniks, 2000. 320 s.
17. Meller Kh. Veimarskaya respublika: opyt odnoi nezavershennoi demokratii. M.: ROSSPEN, 2010. 311 s.
18. Myuller R. Mirovaya vojna i Germanskaya revolyutsiya. T. 2. M.: Izdatel'stvo «Nedra», 1925. 420 s.
19. Orlova M. I. Germanskaya revolyutsiya 1918–1919 gg. v istoriografii FRG. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986. 269 s.
20. Patrushev A. I. Germanskaya istoriya: cherez ternii dvukh tysyacheletii. M.: Izdatel'skii dom mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2007. 704 s.
21. Pil' R. Vooruzhennye sily Germanii. Khar'kov: Izdanie voenno-redaktsionnogo soveta Ukrainy i Kryma, 1922. 24 s.
22. Rausher V. Gindenburg: fel'dmarshal i reikhsprezident. M.: Ladomir, 2003. 338 s.
23. Serezhnikov K. G. Vospominaniya donskogo ofitsera o sluzhebnoi poezdke v Germaniyu osen'yu 1918 g. // Arkhiv russkoi revolyutsii. T. 18. M.: Terra. 1993.
24. Khaffner S. Revolyutsiya v Germanii 1918/1919. Kak eto bylo v deistvitel'nosti? M.: Progress, 1983. 224 s.
25. Sheideman F. Krushenie Germanskoi imperii. M.–Pg.: GIZ, 1923. 324 s.
26. Böhm G. Adjutant im preußischen Kriegsministerium Juni 1918 bis Oktober 1919. Aufzeichnungen des Hauptmanns Gustav Böhm / Hrsg. und bearb. von H. Hürten und G. Meyer. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1977.

27. Craig G. The politics of Prussian army. 1640–1945. Oxford: At the Clarendon Press, 1955. 538 p.
28. Die deutsche Revolution 1918–1919 – Dokumente. Hrsg. von Ritter G., Miller S. Frankfurt a/M: Fischer Bücherei GmbH, 1968. 502 S.
29. Gröner W. Lebenserinnerungen. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1972. 584 S.
30. Herwig H. The First German Congress of Workers' and Soldiers' Councils and the Problem of Military Reforms // Central European History. 1968. Vol. 1. № 2. P. 150–165.
31. Kluge U. Die deutsche Revolution 1918/1919. Staat, Politik und Gesellschaft zwischen Weltkrieg und Kapp-Putsch. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1985. 247 S.
32. Kluge U. Militärrevolte und Staatsumsturz. Ausbreitung und Konsolidierung der Räteorganisationen im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. // Arbeiter-und Soldatenräte im rheinisch-westfälischen Industriegebiet. Studien zur Geschichte der Revolution 1918/1919. Hrsg. Von Rürup R. Wuppertal: Peter Hammer Verlag, 1975. S. 39–82.
33. Kluge U. Soldatenräte und Revolution. Studien zur Militärpolitik in Deutschland 1918/1919. Göttingen, 1975. 520 S.
34. Maercker G. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig: Verlag von K.F. Koehler, 1921. 382 S.
35. Noske G. Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1920.
36. Reichsgesetzblatt. 1919. № 57.
37. Schüddekopf O. E. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hannover – Frankfurt a/M: Norddeutsche Verlagsanstalt, 1955. 399 S.
38. Zwischen Revolution und Kapp-Putsch. Militär und Innenpolitik. 1918–1920. Düsseldorf: Droste Verlag, 1977. 378 S.